

«Бог создал всех людей разными, но полковник Кольт уравнил их в правах», – говорит мне Витек, сидя на горе «Теплекса» на пятом этаже недостроенного здания ГАИ по адресу: г.Москва, ул. Поклонная, д. 15а. Поклонная – это короткая, тихая улочка с изрядно постаревшими домами, совсем рядом с Поклонной горой. Наша – не единственная стройка на Поклонке. Уже ухватившись за край забора, можно обнаружить закладываемый фундамент многоэтажки – совсем рядом, возле железнодорожных путей. Но что забор! Два жалких человеческих роста! С крыши требовательный глаз насчитает 46 кранов. Плюс два, которые трудятся на нашем объекте.

В руках Витек крутит метровую шпильку-«восьмерку», отнюдь не заточенную, как бывало раньше, и совсем дружелюбно поглядывает на китайских штукатуров, и столь же дружелюбно слушает еще один эпизод художественного свиста в их исполнении. Не так как когда-то...

Работа кипит. Рулетка замеряет длину шпильки, перфоратор «Макита» бурит плиту, безжалостно скалывая куски раствора на плитах, анкер шаг за шагом заползает внутрь отверстия и подмигивает мне: готов принять в себя пробойник. Несколько точных ударов пробойником в самое сердце – и он останется там навеки. Шпилька подпрыгивает, вкручивается в анкер, замерев на полуобороте. Нужно подвесить трубу. Хомут поворачивается и застегивается; теперь ему эту чугунную дуру держать не передержать. Ключ-шестигранник, в сечении 6 мм, начинает стягивать муфту. Почти все. Осталось проверить то, се, выровнять и свалить отсюда.

Впрочем, куда сваливать? Нас никто не гонит. До обеда еще около часа, гора утеплителя выглядит очень уютно... Если сейчас отвернуть изолон, которым закрыто окно, подвинуть к окну упаковку «Теплекса», зависнув на высоте четырех метров над бетонным полом, то отсюда можно будет усладить взгляд югом Москвы. Далеко слева видно здание МИДа России, столь же далеко впереди возвышается шпиль МГУ (это университет имени М.В. Ломоносова, хотя отсюда этого не скажешь), а совсем под ногами тянутся железнодорожные ветки.

По этим веткам жужжат неторопливые электрички, иногда проскакивает пассажирский или товарный поезд. И это не просто так. Почему даже экспресс, как и все прочие дизельные и электрические звери, медленно перебирает колесами на этом перегоне, станет ясно, если положить внимательный взгляд справа. Не насовсем положить, а на время, и за это время глаз впитает многометровые горы щебня, разрытую землю, целую паутину железнодорожных стрелок, стаи КамАЗов-самосвалов и тракторов. Более внимательный взгляд увидит горку, постоянные маневры и избыток «ЧМЭ-3», а более внимательное ухо уловит маты дорожных рабочих. Все это – «Москва-Сортировочная-Киевская».

Сюда, на пятый этаж строящегося здания, шумы доносятся слабо. Несмотря на малое количество этажей, высота здесь приличная. Этажи метров по пять каждый, что вполне логично: секция «Б» здания ГАИ предназначена в основном для стоянки автомобилей. Уже сейчас бетонщики мутят во внутреннем дворе площадке подъема. Впрочем, слово «мутят» не вполне передает размах: одна за другой подъезжают бетономешалки, и кран-насос на платформе «Hyundai» заливает непомерные кубометры раствора... Сколько денег! Какой масштаб!

Москва – грандиозная стройка. Есть немало районов, где ничего не строится; но там либо стоят высокие чистенькие новостройки, либо уже расчищаются территории. Лишь отдельные островки старых, полузаслоненных кронами пятиэтажек нарушают волну мысли градостроителя, и совсем не осталось таковых в центре. «Ничего, ничего, будет и на вашей улице праздник», – растягивается в улыбке чья-то покровительственная... «Во блин!.. Витя сказал, здесь картон крутят по 400», – это Витек. Его постоянно посещают одни и те же мысли. То же самое он мне скажет послезавтра и, наверно, дней через шесть.

Дней шесть... Так далеко надо еще дотянуть... – «И это двойной, с утеплителем. А у нас в городе по 250». Он очень расстроен. Намерен был развернуться, а тут такие расценки на квадратный метр.

Витек постукивает отверткой по полу и испытующе смотрит на меня. У него есть хорошая привычка: сказать ничего не значащую фразу, а потом долго смотреть на тебя и, если сойдутся какие-то звезды с другими, очень частыми и туманными звездами, спросить: «Понял?» Ну что можно не понять, к примеру, в мысли: «На стройке оно по-разному бывает»? Или: «Все, бросаю курить»? А он скажет и смотрит «поставленным взглядом». Может, осмысляет сказанное? Сомневается в том, что слова долетели до чужих ушей? Ждет плевка в ответ? Не то. Смотрит так и постоянно спрашивает «Понял?» он по какой-то другой причине. Может, круг общения такой?.. Иногда он бросается объяснять мне, почему сварочные кабели теплые, как в сентябре все на юге дешевет или разоблачать расхожее мнение о действиях токсикоманов. Периодически приходится осаживать ему коней. Впрочем, ладно, это уже неважно, потому что Витек, не дождавшись никакой реакции, отвернулся и стал прожигать глазами пол; в следующий раз он спросит то же самое не скоро. Потому что разговаривает не часто.

Панорама открывается отсюда удивительная: одним взглядом можно охватить Поклонную гору, Центральный музей Великой Отечественной войны, монумент Победы и – рядом, на возвышении – храм Георгия Победоносца, стайку фонтанов, только что запущенный водопад, зеленые насаждения поодаль... Все это – парк Победы. Но рядом еще сортировочная железнодорожная станция, Кутузовский проспект, тихий дворик, поднимающиеся монолиты «Mirax Group», зелень, слева пруд и снова зелень... Здесь же котлован, вырытый на глубину около 8 метров. На дне его базовый бетонный слой и торчат сваренные арматурные столбы – они и составят скелет будущей железобетонной конструкции. Но это лишь часть того, что видишь... Сколько высотных домов, кранов, вышек вдали...

Взгляд переползает по залитому солнцем рельефу мегаполиса, ловит отдельные машины, копошащихся внизу людей и улыбку стоящего рядом узбека. Везде динамика... Статика только сзади: там намертво впиалась в нас глазом крановщица.

На крыше палит солнце, дует ветер. Здесь можно не только повтыкать вокруг; здесь можно пообщаться с каменщиками, облиться водой, позагорать на солнце, и даже послушать Славика! Это замечательный персонаж, большой души человек, и... пока он курит, быстренько набросаю досье.

Славик. Электро-, газосварщик. На вид лет 35 (значит, на самом деле около 30). Родился в Тамбове, в возрасте 0 лет. В семь лет с родителями переехал в Краснокаменск. Есть автомобиль («...Тока шо скатался взял «Субару Импреза», автомат, дизель, один хозяин, пробег по России ххххх километров. Зачетная тачка, слышь»). Планирует перейти на другую работу, брать свои подряды, а также возить сало в Москву.

«В жизни не думал, что буду работать!» – прерывает запотевание лица под майкой Славик. Я аж привстаю, охреневший.

Да-а-а, Краснокаменск – особый город... Построен он в 1969 году, в Читинской области, на границе одновременно трех государств: РФ, Монголии и Китая. Столь грандиозный зачин был реализован силами в основном стройбатов. И как удалось! Отличная планировка, защита от ветров, хорошее расположение относительно комбината, идеальная инфраструктура по принципу «закрытых городов», высотные дома, в наибольшем из которых 33 подъезда...

Сюда привлекли лучшие союзные умы. Это урановый городок, и в связи со стратегическими планами государства снабжение было отменным. В течение 31 года. А начиная с общесоюзного лихолетья город доживал. Урановая руда оказалась ненужной государству в связи с программой сокращения вооружения, а продавать за границу такое сырье было никак нельзя. Первоклассные, почти пустые автомобильные дороги начали разрушаться, зарплаты упали, долгострой оборвался, и жители, доев последние московские составы, начали покидать город. «На материк!» Куда уж матерее – середина Евразии, в любую сторону на тысячи километров сухая пыльная степь! Только до

областного центра Читы ехать 560 км. Говорят, добираться сюда поездом надежнее, но зато тащишься неделю... Впрочем, выбор невелик. Самолеты не летают в Краснокаменск с 90х, и попасть сюда можно либо по железке, либо по брошенной в степи гравийной дороге – автомобилем, пешком...

Жилье быстро обесценилось, и из точки материального благополучия с зарплатами вчетверо большими, чем по Союзу, Краснокаменск превратился в полумертвый город.

Но Славик этого уже не видел, уехал из города. Отсидел и уехал. На историческую родину, где волк нам не товарищ. Воспитание раньше было другое, и статьи УК тоже другие. Всю молодость в Краснокаменске Славик был вором, а отсидел за поножовщину. Для круглого счета ему еще парочку статей навесили, по мелочи.

Взгляд у этого экземпляра рода человеческого жесткий, волчий (особенно в маске сварщика). Он словно сверлит серым глазом, и иногда поджимает зашрамленную губу. Но человек он хороший и разговаривает нормально. Прошло-то сколько... Славик курит, запивая курло крепким чаем. До чифира и он не дорос. Сколько раз стрелял сахар то у Шульца, то у Михалыча. И морщился: «Чай без сахара еще можно пить, но кофе вообще мерзость». Славик снова затягивается, прихлебывает из высокой, диковинно узкой и диковинно грязной чашки. Скоро на работу. Шульц допивает чай из примерно такой же. Питейные сосуды здесь грязные у всех, строители не моют посуду. Да-да, не только чашек – тарелок они тоже не моют. Потом приходит борец за чистоту и сгребает все со стола в мусорку. Еще несколько дней после погрома ходят люди, ищут свою посуду, ругаются гадко...

Я, кажется, уже два раза сказал странное слово «Шульц», а вы еще не знаете, кто он? Самое время познакомиться, потому что сегодня он работает с нами. Шульц немец. Несложно было догадаться. Русский немец, из поволжских. Говорит он по-русски примерно как мы с вами, и чуть-чуть лучше других своих сотоварищей, потому что матерится реже. Заточка у него чисто немецкая: орлиный, тонкий и хищный нос, очки в золотой (да! как же!) оправе, простоватые светлые глаза и тяжелый подбородок. Килограммов восемь, не меньше. Морщинистое лицо выдает, что это не зажавшийся европейской штамповки пенсионер, подумывающий, куда ему сунуть пару лишних евроштук и куда поехать туристировать следующим летом, нет, это кондовый русский дед, с простецким взглядом на вещи, с широкой русской душой и огрубевшими красными руками. Такими руками он без лишнего стеснения разматывает стеклоткань и хватает стекловату, что и было продемонстрировано 25 июля 2008 года, в пятницу, с половины одиннадцатого до двенадцати часов.

Сегодня Шульц работает мало. Мы его уважаем, поэтому делаем все сами. Старик сидит внизу, трет мозолистые руки и изредка советуется с нами надтреснутым фальцетом. Он как всегда спокоен, хотя неделю назад, уезжая домой, в Рязань, в обед спрятал на втором этаже болгарку. После обеда уже не явился, и несколько дней подряд ему пытались дозвониться. Не будет ли герр Шульц так любезен сообщить, где он сныкал инструмент? Герр Шульц любезен не был, и болгарка осталась благополучно висеть на его совести до ближайшей зарплаты. Тырить со стройки – это святое. Так сказать, призвание каждого строителя.

– Вот, еще когда [распущенная женщина!] на монолитах работали... Горбушку делали... Нам два комплекта привезли [ничего, просто привезли]. [Отличные] бошевские болгары. Вместе с ключами, инструментом, всякой [мелочью]. Ну я взял себе один и [украл]» – это Славик делится. – А потом Леша приезжает и спрашивает, мол, вам два комплекта болгарок привезли? А я говорю: «Нет, один». И мужики тоже говорят, типа, одним работаем. Он: «А-а-а [плохая женщина!], мы же его в магазине оставили!» И поехали в магазин. Им там мозги [чувственный акт!], но ничего вроде, отдали [без всего, просто отдали], чтобы не связываться... Ну приезжают, привозят нам второй комплект. Я смотрю: точь такой же отличный Bosch, новенький... Думаю, может и его [взять]?

Славик заливает себе «Доширак» кипятком, и, закрыв крышкой, поворачивается к лежащему на мешках товарищу. Голосом – сильным, напряженным, полным доброты и любви, как бывает порой полон всего этого голос хозяйки в неотвратимом движении к

коту, доедающему сосиски или раздирающему на лоскуты любимое платье, наш герой оглашает этажи с первого по третий: «Са-а-а-а-а-ашенька! Са-ашенька, сколько же ты будешь ная-яривать?» Сашенька, привычный к такого рода подколам, даже не открывает глаз.

Пока заваривается «Доширак», Славик садится за сканворд. В каждую пачку кладут такую забаву. Правда, часто повторяется, но это ничего. Славик любит думать, это видно по тому, как он подолгу и основательно наслаждается каждым словом. «Спортивные штаты?». Гадатель на сканвордном листочке исподлобья оглядывает всех: «А? Что это может быть?.. Марафонец, ты чего молчишь? Ты должен это знать!» Через три слова он снова возвращается к этому, самому главному, и нам приходится помогать. Задача решается легко при помощи правильного глаза – это спортивные штаны, а не штаты.

– Дай-ка мне! – выхватывает листочек Сашенька. Пришла пора подкрепиться, умственно и физиологически. Секунд сорок он изучает листок, потом выдает: «Все! Спрашивай, что хочешь. Все подскажу». Не разгадан там был лишь уголок, но тоже неплохо.

Листок возвращается восвояси, и осиротевший «Доширак» окончательно остывает: Славик борется с головоломкой еще минут семь, громко произнося каждое слово и вписывая его с тремя ошибками.

Сашенька тоже сварной. Зовут его всегда коротко и ясно: Тинай. Варит он уже тринадцать лет, и безуспешно: дома для кореша всю морду «Жигулям» поменял. По лобовое стекло. Рулетки не оказалось, пришлось по веревочке делать. Кореш тот потом поехал на развал-схождение провериться. В смотровую яму залез квалифицированный мужик, смотрит: все чих-пых, чё приехал-то? Да, грит, четверть кузова поменял. Тот не поверил, полез обратно. Вылезает с большими такими глазами: кто делал? Директор автосервиса прознал, лично приезжал три раза, уговаривал на него работать. А Тинай как раз на новую работу устроился, деньга боль-мень, только втянулся... Так и пахал... Не один год таскал на себе груды кабеля по рельсам, случалось волочиться и на дрезине: качаешь-качаешь, едешь до места – хлоп! поезд идет. «Быстро скинули все на сторону, убрали дрезину. Потом по новой... Так доберешься за пять километров до места, уже никакая работа не лезет, ничего не успеваешь...»

Работал Тинай на железнодорожном экспериментальном кольце в Щербинке, многократно повышал квалификацию. Знает уже около десятка видов сварки. Лично для меня ваял шестигранник электросваркой без маски. Вы никогда не пробовали? Это та самая, про которую мамы говорят (и правильно говорят!): «Не смотри туда». А дети отвернутся, но через двадцать секунд впиваются взглядом снова: любопытство жжет самые нежные части тела. Поработаешь со сваркой, хотя бы и помощником – катаракта! Получите-распишитесь. Вот так и узбек, сидя под деревянным-в-четыре-гвоздя-сбитым-навесом, зорко разглядывал коллектор, куда Михалыч (быстро и четко! не обращайтесь внимания на рекламу, она всегда в скобках) наваривал трубу 76 мм, а потом фланец. Пара доброхотов пытались ему втереть, не смотри, мол, туда, но безуспешно, ибо по-русски не ферштейн, а видит он уже совсем мало. Один большой заяц был пойман в его сетях.

И таких чумазных толпы! Куда больше, чем русских. Работают за дешево, а управлять ими не просто. Бригадир Шень Янь курлюкает со своими штукатурами на китайском, узбекский посредник с борзотными повадками и аккуратной папочкой в руках (чтобы от рабочих отличали; да и здоровье сберегла – один раз точно) общается с рабами по-узбекски, молдаване тоже вроде как-то справляются. Но универсальный язык междуобщения – ломаный русский. «Сколь.. здес?» – «Восем дэцт». – «Восем?» – «Восем дэцт». «Восемсот!» – добавляет стоящий рядом, и вся толпа радостно ржет. Лингвистическая шутка юмора, взлелеянная в колыбели русского произношения, удалась.

Иноземцы ведут себя, как правило, дружелюбно (минус пара злобных молдаван). Работают они спокойно, изредка напряжно. Вот, например, Джалол, орел узбекских степей, запрягает здесь с 8 до 8. С перерывом без выходных. И это за «четвертной» (конечно, им обещали чаевые, но на честном слове). Поселили всех на объекте, раздали новенькие помидорного цвета спецухи, завезли шконки и инструмент. В общем, деньги

нашлись. Чего стоит только Makita HM 1304B! «Наш аппарат не мелочится» – охарактеризовали его узбеки. Чистая правда: долботехника весом 15 килограммов, поворотная ручка, вместо пики такой шестигранный кол, что мамонтам страшно. «Это еще учебный» - прорывает бороду зубами старый житель Ферганы. Я знаю про существование чудовищ типа Makita HM 1810 с ударной силой в 63 Дж, но вживую... Дотошный до тошноты читатель, поправив очки, заметит: джоуль – это работа, равная действию силы в 1 ньютон на протяжении 1 метра. А 1 ньютон – это 100 граммов на ладони. «Всего-то!» – усмехнется он. Да, все верно... но когда эта работа сконцентрирована на амплитуде отскока пики (максимум половина пальца самого интеллигентного из интеллигентов), да еще производится с частотой в 1100 ударов в минуту...

Джалол старик. На «товарищ узбек» откликнулся сразу. С интересом смотрел на нашу работу, запитал перфоратор; обсудили Москву, стройку и начальников. Все краски русского языка достались последним. Три разных размера дверного проема от трех разных начальников! Видимо, комплексы неполноценности тоже у всех разные. Пока Джалол, опершись на леса, общается, молодой – тоже из Ферганы – качает на руках отбойник. Он не рубит по-русски. На проходе гуляет жуткий сквозняк, и с лестницы заносит обросшего чуркагана в шлепках и кепке. Этот похожий на дага нехороший человек – бригадир. Работа кипит! Камень летит! Но опасность миновала, и через несколько минут Джалол подходит снова. Его дело опыт, долбит он редко: «тут и молодой иногда сачкует, а я... не по возрасту мне... Уйду на другую работу». Седина серебрит ему голову, морщины покрывают лицо. Говорит он небыстро, на хорошем русском языке, но как будто с трудом, полупьяно. Он устал от жизни. Ему 46 лет.

Оставим Джалола с его сладкими рассказами о полутораметровых дынях, жаре и каменной степи и оглядимся вокруг. Какими завистливыми недобрыми глазами смотрят некоторые жуки на халявную работу слесарей-сантехников! Не везде так. Если спуститься у склада, пройти по первому этажу мимо крашенных пидарасов-гипсокартонщиков, почти до выхода, повернуть направо, отмахать вверх 24 пролета, затем поскрипеть наспех сколоченной деревянной лестницей два марша, добавить поворот налево и проход сквозь весь будущий спортзал, то награда – добродушный узбек весом около центнера – улыбнется и спросит, тронув себя за левое ухо: «Слуш, что мабе он носит?»

«Он» – это Витек. «У нас тольк женщин такой носит. Мушин не носит. Тольк женщин. Для красота». Думал ли Витек еще полгода назад, что он не только окажется в месте, где ненашей больше русских, где толпы «мяса» снуют взад-вперед, носят картон, трубы, арматуру, где «добыча» работает стропальщиками и разговаривает по рации, что в этом месте на такое заявление узбека-отбойщика он начнет терпеливо объяснять, что за знак отличия такой серьга и что нужно делать с теми, у кого она в правом ухе? О-о-о-о... Особенно долго пришлось объяснять, кто такие эти-с-серьгой-в-правом-ухе, но пытливый изворотливый ум нашел способ.

Узбеки, таджики и прочие работают здесь за 400-800 рублей в день, в зависимости от наглости посредника. Они довольны заработком в 15 тысяч, потому что дома их ждут семьи. Два месячных заработка нужно отложить на дорогу домой, и потом... самолет, таможня, погранцы, дом, милый дом... сопливые дети... зарплата в месяц меньше мешка муки...

Устроились гастеры вполне сносно: живут в вагончиках и в бытовках внутри здания, артелью нанимают повариху, дальние, из общаги, организованной толпой ездят на работу особым рейсом автобуса (чтобы всякие мелкопогонные не грелись на кармане товарищей рабочих) и с равнодушным видом стирают одежду прямо в унитазах. Удмурты, видимо, не слышали про подобную жемчужину человеческой изобретательской мысли. Думают, ваннаська... с вадиськой... осень удобна!

– у тебя есть майн кампф?

– нет. я боюсь её

– почему?

– не знаю. у меня как-то в детстве отложилось. ну знаешь.

- как будто не знаю. Сатана написал книгу
- сатана написал другую книгу
- какую?)
- учебник по алгебре за 10 класс

Чего только не нароешь в Бездне. Кладезь маразма, плохо перемешанного с остроумием, забавными ситуациями, различного рода отклонениями... Прямо напротив меня сидит Витек и заглядывает в прорубленный в полу люк. Мы тут вроде работаем.

На груди с правой стороны у повелителя ножей и болгарки, подвизавшегося на малярке-гипсокартоне-плитке, набит кельтский крест. Сквозь затейливые переплетения с трудом пробиваются две перекрещенные полосы нижнего слоя. Рисунок становится немного ярче после солнечных ванн: кельтский крест выпцвевает. Китайская краска. На нижнем слое свастика, «древнеарийский символ трата-та пуру-пум». Символ этот в более-менее постоянном виде есть практически у всех народов, значение его сильно меняется, но общие черты вроде «движение рисок направо – противоход солнца, разрушение; засечки налево – наоборот» встречаются у многих. Такую лабуду набивают каждому, кто «осознал себя в движении». Обычно проходит года 2-3, прежде чем можно будет «украсить» себя. Активные скины, разумеется, могут и через полгода себе такое позволить; но они и белые шнурки могут на первой акции заработать...

База всех знаний Витька насыпана из одного мешка. Это литература национал-социалистического толка. Школу он основательно подзабыл, и по многим областям знания, как то: биология, физика, химия – с ним любопытно пообщаться. Прыжки – от кочки к кочке, с шестом, погрязая по щиколотку в зыбкую топь... по колено... по пояс... Не стоит дальше, сменим болото.

Круг интересов молодого штурмовика весьма своеобразен. Прошли времена увлечения футболом и околфутболом (вы же знаете, вы точно читали Джона Кинга), пауэр, дзюдо. Он до сих пор верен тайскому боксу, неподдельно оживляется на ножах и профессионально интересуется строительством, ибо планирует и дальше тянуть эту пыльную и грубую ляжку. То засматривается на сварку и планирует отканючить полгода в учаге, то хочет пересесть на тяжелую технику вроде экскаваторов-бульдозеров, чтобы тепло, светло и мух давить, то думает набрать побольше строительных специальностей... Вспоминается его недавний разговор с турками-гипсокартонщиками в метро, которые повелись на такую работу и приехали из Туретчины не из-за зарплаты. А почему? Одна турка выразительно марширует и делает «на-краул!». Витек улыбается. Когда нехристи узнали, что он не только картонщик, но еще и маляр (штукатурные работы, шпаклевка, грунтовка, покраска и прочие сопутствующие злодеяния), они удивленно зацокали: «О! еще и маляр! Две специальности!». На возражение «Так я еще и плиточник» последовало недоверие, удивление... возмущение, в конце концов! Три строительных специальности! Обоссаться и не встать! Знали бы они, что у русских строителей больше десятка – не редкость...

Ох, засиделись мы что-то!.. Шутка ли – уже час ваньку валяем. Пора и на обед. Обед почти у всех строителей в час. У нас есть право выбирать – с 12 до часу или с часу до двух. Мы этим правом охотно пользуемся. Приходим в двенадцать, а уходим в два. Развалившись на каком-нибудь лежбище, покрытом бушлатом, под темным настилом стеллажа можно и не выспаться за час... А когда тепло, уютно, поето и попито... Свет в этой половине выключен, ибо это территория сна, ибо другие люди тоже люди. Скрежетание перфоратора убаюкивает, дугой выгнулся над головой рукав бушлата, защищая от лампочки... от солнца... лишь ухо ловит голоса из соседнего отсека – негромкий, неторопливый разговор... запах пыли... как не хватает в душном городе природы! Настоящей русской природы, чтобы с лесом, с речкой или, на худой конец, хи-хи, озером! Чтобы по правому берегу тянулся нескончаемый, хи-хи, сосняк, плавно переходящий в плотину, а на левом – настоящий луг, с рощей – здесь и еще вот там; и маленькая деревенька чуть поодаль. Уютные дымки поднимаются из двух, можно из трех труб, несколько берез украшают небо; все жители уехали на работу в город, лишь маленькие дети бегают по улицам, веселя себя и дядю; клуб давно закрыт, а в маленьком

магазинчике нет ничего, кроме виски и абсента за 900 рублей... Идиллия... Порыв ветра налетает и напоминает мне, что нужно быстро выбрать шкот. Парус напружинен ветром, тримаран заваливается на подветренную сторону, и, повиснув на шкоте, я быстрым движением открениваю судно... Стихия!.. Кто у меня на руле? Кому принадлежат эти ясные глаза и лучезарная улыбка? Ну конечно же! На счастливое лицо рулевого можно смотреть долго. Долго, но не бесконечно! Ибо человек смертен. А отвернуться от Нее трудно, почти невозможно. Мы уваливаемся, и я вытравляю шкот. Снова берег неподвижен, волна плещет, солнце жарит, ветер успеваает играть и с парусом и с растрепавшимися волосами рулевого, а из бездонной бочки вечности капая секунды – тяжелые, весомые. Секунда... Еще секунда... Еще одна... Как вспышки света в темноте, как стробоскоп, в долю секунды выхвативший и заморозивший все и вся... Бесценные секунды... Моя хорошая беззаботно улыбается, ей нравится и вода, и парус, и не столько еще прида... «Ви-и-та-а-аля!».

Тьфу ты блин. Виталя, будь он неладен. Это Михалыч зовет его на консилиум слесарей-сантехников. Я открываю глаза, привстаю. Как все-таки неудобно спать на одной доске. Узенькая, как... э-э... (цензура, помогай!) школьная линейка. Руки постоянно падают, не давая погружаться в томную дрему, спине жестко и холодно, несмотря на солнце. Ноги мои висят прямо над канавой теплотрассы глубиной метра два. Спасибо доске, хоть что-то хорошее она в своей жизни сделала. Один из двух членов консилиума уже подходит, наполняя воздух поучениями и руганью насчет нашей работы. Я не знаю, как соотносится друг с другом наше начальство, но Виталя прораб. Это кроме тех двух, которые являются нашими непосредственными шефами и которых мы имеем счастье наблюдать примерно через каждые сутки. Виталя – высокий полноватый мужик лет 55, в очках, с постоянно недовольным выражением лица, как будто под нос ему подставили тарелку чего-то очень несъедобного. Самовлюбленный гоношистый ананас. Да ну его в баню, этого Виталя. Я лучше потрачу буквы на Михалыча.

Михалыч... Рассказ об этом матером сварщике стоит начать из глубины веков, начать издавека, чтобы понять первопричины этой матерости. Начать, конечно, лучше не с двадцатого века, а, пожалуй, с девятнадцатого. 1802 год. В.В. Петров открывает электрическую дугу; уместно будет рассказать о Чиколеве и о том, как он изобретал регулятор этой дуги... А еще лучше отступить и погрузиться в атмосферу филистерского быта типичного немецкого города середины семнадцатого века, неторопливо рассмотреть четырехскатные крыши, лавочки, мощеные улицы, резные флюгеры, наслаждаясь рассказом об Отто Герике и электростатической машине... Да что там!.. Вначале было слово...

На рубеже 60х и 70х, когда молодежь Ленинграда начала уходить на пенсию, а Михалыча так еще никто не называл, хотя менее Михалычем он от этого не становился, герой горелки и электрода только начинал варить – для колхоза, без обучения. Дело хорошо пошло, и через полтора года работы юного колхозника отправили учиться. Получить бумажку. Картина маслом: пацаны корячатся, варят – набивают руку, всюю работают, наверняка при этом молчат, а Андрей сидит типа не при делах. Подходит мастер: а ты че такой королистый? – «Да я уже полтора года сварщиком отработал...» - «Ну-ка свари...». Испытание прошло успешно, корочку дали быстро и без проволочек, потянулись трудовые будни, затем армия...

– Ты че, сварщик?

– Да.

– Аргон знаешь?

– Нет.

Так уехал на повышение квалификации. Приехавший через несколько месяцев обученец был проэкзаменован на предмет владения аргоно-дуговой сваркой. Через какие-то минуты приносит два лезвия, сваренных вдоль. Среднепошибные начальники кинулись по мастерам: «Сварите так?» Пробовали. Безуспешно... Уже сорок лет варит Михалыч, расскажет он вам про зло меди и цинка, про бывалые большие времена трубопроводостроя: какие зарплаты! какие масштабы! какие километры позади! И везде

одно и то же: «шестерку» из пачки – втиснуть в держак – четыре минуты горит – выбить огрызок – новый... При таких токах электроды стаями улетают на юг, а маску становится лень поднимать – расклинивает на ощупь ...

– Подъем, ребята, «Рехау» привезли...

Под «Рехау» здесь всегда понимают поливинилхлоридный профиль и весь связанный с ним разврат: крепеж, долбеж, утеплители, расширители... Здесь в основном практикуется холодная сварка ПВХ, для чего алюминиевый брутального вида чемодан был благополучно отгружен в бытовку. Совсем недавно привезли профиль, потом утеплитель; все это мы отгарили в склад. В четвертый раз привезли фитинги – металлические соединительные (применим эвфемизм) штучки, которые устанавливаются в местах поворотов, разветвлений, переходов на другой диаметр и прочее. В пятый – приехали за фитингами, дабы забрать часть на обмен. Я расскажу вам, как это было ...

Солнце. Жара. На проходе возле штаба как всегда людно... Неподвижно торчит Денис с прилипшим к руке счетом, его, как волнорез, обтекают каски. Я двинулся к выходу, на проходную. «Ну пойдем так...» – вяло соглашается он. Это «так» обернулось потерей 10 минут. Заступившая с утра смена охраны оказалась не только дотошной, но еще медлительной, боязливой и неопытной.

Для выноса своего мешка со своими фитингами мы подошли на проходную, и сидящий там лицесерьезный муж в очках понял почти сразу, кто мы такие и чего нам надо; в пределах пяти раз он послушал, что несем, и задумался. Снова открыл и снова закрыл свой журнал. Снова задумался.

Денис уже подсказал, что, где и как лучше написать, сориентировал начинающего лощмана в дебрях вахтенных журналов и кучах старых записей. Но даже так товарищ Охрана не отважился ни пропустить нас, ни зафиксировать заскучавшие в мешке фитинги (читает по слогам: слово непростое, язык не родной). Еще минута – и он вызывает своего старшего собрата. А пока от дверей штаба строительства на проходную идет человек, который кашу действительно варит, этот стремительно стареющий почти русский перец успел основательно поскрести нам мозги.

Старший таки пришел, вооруженный светлым взглядом, ежиком и дежурной фразой: «Здравствуйте, господа!». Я и Ден ответили ему нестройным «здравствуйте». Нестройным, потому что я промолчал.

Денис заново начал объяснять, кто мы такие, что несем, чье и куда, сколько, когда это было завезено и где надо записаться. Ежик подумал и нерешительно изрек: «Пропуск надо материальный выписывать». Пропуск оформляется у начальства и вообще... ребята, договаривайтесь с ними. Дело пошло быстрее, когда выяснилось, что Денис – прораб; силой, данной ему немного свыше, он создал бумажку прямо на месте, запечатлев в ней личный штамп. И почему прораб не может вынести сам у себя нужные вещи? Как-то все тонко задумано. Может, он и в карман залезть без пропуска не может?

Так мы покончили с первым мешком. А следующие два вынесли через проломленный забор, сразу в машину. Там целый пролет вынесен, КамАз можно подогнать...

Благодарю баннеру на кране, от размеров которого любому фантику сносит крышу, все знают, что стройку на «ул. Поклонная, 15а» ведет Спецстрой России, то бишь инженерные войска. Стройбат по-старинке. Чисто теоретически здесь не должно быть никого, кроме дешевой рабочей... то есть солдатской силы. А ее-то здесь как раз и нет. Есть нашенская гражданская охрана, гражданские же молчаливые водители, офицеры китайской, узбекской национальностей и шастают чуробесы на каждом шагу. Национальная слойка, плюнуть некуда. А солдат нет. Хотя если честно, я видел там трех. Ходили неразлучно по стройке, чтобы не так страшно было. Званием вроде повыше рядовых, но явно еще не лейтенанты. А понторезы – хоть капитанских четыре вешай. Потоптали минут 20 новенькими берцами пылюку и сгнули. Я потом одного из них видел еще раз видел, гулял между молдаванской кухней и узбекской спальней.

Любите ли вы музыку? Любите ли вы музыку так, как люблю ее я?

Две секунды назад сработала лингвopsихологическая установка. Ведь, прочитав второй вопрос, вы стали уверены, что музыку я не просто люблю, а очень люблю. А если я, например, совсем ее не слушаю? Совсем нисколько не слушаю, совершенно индифферентен, да и слово «музыка» видел-то всего два раза в жизни, в дневнике между алгеброй и физкультурой. В таком случае поставленный вопрос будет означать следующее: «Любите ли вы музыку совсем никак?». Сами того не замечая, вы обеими ногами стоите на узусе использования типичных языковых моделей. Нагнитесь, потрогайте!

Ох уж эти идола площади, спасибо Френсису Бэкону! Возможно ведь, что я «люблю» музыку до дрожи в ногах, готов бросаться на каждого в наушниках и пасть мертвым от усталости на третьем поезде подземки... Прочтите вопрос еще раз.

Музыка... Ее любят самые разные люди: спокойные и агрессивные, умные и глупые, высокие и низкие. Так устроена жизнь, но последнее меня всегда убивало: зачем низким людям музыка? От нее ведь выше они не станут...

Какие-то мелодичные мягкие напевы начинают меня убаюкивать, маршрутка нежно качает, рыская в пробке, и метр за метром, каждый из которых отравлен выхлопными газами, жарой и пылью, я приближаюсь к дому. С каждой минутой мне все труднее бороться со сном. С каждой секундой меня все более одолевают мысли... Это тоска по летним дням, которые один за другим ускользают, просачиваются сквозь пальцы, оставляя мимолетное ощущение, что что-то вроде бы было... Что день вроде бы прожит...

Москва!.. Здесь всё такое разное... Такие разные цены, зарплаты, люди... Город контрастов... Некто считает, что в Москве хорошо отдыхать; кто-то говорит, что работать... Наверно, надо приехать в этот город, чтобы решить этот вопрос для себя. Здесь всеми владеют разные мечты: пройти техосмотр... заработать денег и не заниматься научной работой... приехать в Курск убить парочку грузин... купить жене машину... Есть своя мечта и у меня. Мои легкие белые крапинки в черной линии. Мой ветер моих мыслей...